

Копипаста: Чёрный снег — Lurkmore

Будучи еще мелким школёнком, я жил в Мордовии, в Саранске. Когда наступали каникулы, то мы с отцом и старшим братом выезжали вглубь республики — туда, где цивилизации вообще почти что не было. И вот однажды зимой поехали мы к отцовскому другу на две недели. Деревенька, где жил дядя Гена (так звали папиного друга), располагалась очень отчуждённо, до ближайшего населённого пункта там километров тридцать. По ночам, коль выйдешь на крыльцо, очень крипово было наблюдать вот эти вот просторы, которые начинались сразу за границей деревни.

Ну, я немного отвлёкся. У дяди Гены был сын Сашка, примерно моего возраста, и мы с ним очень сдружились (что для меня было нехарактерно, в школе я ни с кем особо не общался). Целыми днями бегали по просёлку, кидались снежками, катались на санках, по вечерам смотрели телевизор и рассказывали друг другу разные небылицы. Рядом с деревней был овраг, куда мы катались на санках. Скажу вам, не сравнить это с «цивилизованными» снежными горками в три-четыре метра высотой. В общем, скучно не было.

Однажды, когда уже смеркалось, и мы, наигравшись в этом овраге, возвращались домой, я заметил в отдалении чёрное пятно на снегу. Подходить ближе не стал, так как протопка туда не вела, а ноги замочить не хотелось; да и особого значения этому не придавал — мало ли, кто-то костёр разжигал, или теплотрасса выходит близко к земле (лол, какая теплотрасса может быть в таком месте?). На следующее утро, разбуженный отцом и успевший позавтракать, я нигде не нашёл пса Малыша, который жил у нас во дворе. Малыш любил порезвиться и пару раз убегал на улицу, когда на часах была полночь, но спать всё равно возвращался во двор. Мне стало немного не по себе, когда я краем уха поймал разговор дяди Гены и какой-то бабки: оказывается, кроме Малыша пропал и местный пьяница, шатавшийся по всей деревушке и иногда выклянчивавший у нас с Сашкой деньги. Безобидный, в общем-то, человек. Я сказал Саше, что, наверное, в деревню наведалься «маньяк», который убил и собаку, и алкаша, и что лучше бы нам сидеть дома, но он поднял меня на смех, как и его и мой отцы. Какой здесь может быть убийца? Тут все друг друга знают, а чужеземцу сюда не добраться. Тем не менее, нам сказали, чтобы мы далеко от деревни не уходили, а то мало ли может случиться.

Три последующих дня пролетели без происшествий. Мы с Сашкой, как обычно, проводили всё время вместе, а больше никто не пропадал. И вот в выходной день, с утра пораньше, мы пошли покататься на санках. Втайне от храпящих старших вытащили санки и отправились на тот холмик, откуда всегда и съезжали вниз. Сашка предложил пройти подальше, где мы ещё никогда не были — мол, там спуск круче, и кататься, следовательно, будет веселее. Протопки почти не было, только чьи-то редкие следы, но я согласился, так как Сашка плохого не посоветует. Идти пришлось довольно долго, где-то с километр, но мы всё-таки добрались до этого самого места. И действительно, тот овраг был ещё глубже привычного, и мы со смехом и улюлюканьем промчались в него несколько раз подряд. Потом, когда надоело, я предложил обследовать овраг, который оказался не только глубже, но и обширнее. Ну, обследовать так обследовать. Прошли до середины, и тут я увидел впереди черноту, как несколько дней назад; на этот раз пятно было гораздо больше, чем в тот раз. Надо было сразу повернуть назад и бежать домой, но любопытство всё же пересилило страх. Мы подошли поближе к пятну и оглядели его. Я зачерпнул в ладонь немножко этой странной хуйни и вдруг понял, что это снег. Просто чёрный, как бы странно это ни было. Я снял перчатку и потрогал его голой рукой — ничего особенного, тает точно так же, как и белый (и вода, что характерно, тёмной или хотя бы мутной не была — самая обычная бесцветная). У меня страх как рукой сняло, а вот Саша что-то разнервничался. Говорит, давай назад пойдём, мол, родители увидят, что нас нет, и забеспокоятся. Я спросил у него, в чём дело, но он так и не ответил, только продолжил меня торопить. Ладно, идём, тем более, метель началась.

Пропыхтели через весь овраг, уже почти добрались до склона, и тут Сашка меня останавливает. Почему? Ну, тут увидел я, почему, и сердце в пятки ушло. Чёрный снег был теперь и у склона, как будто сдвинулся с места и нас обогнал. Мы прошли вдоль склона, но везде была всё та же странная чернота; до меня начало смутно доходить, что я влип. Как выяснилось после десяти минут блуждания, чёрный снег взял нас в кольцо, не оставив нигде свободных проходов. Правда, у самого склона полоса черноты была наиболее узкой, и Сашка решил рискнуть, перешагнув через неё. С грехом пополам это у него получилось, чёрных участков он не задел и начал карабкаться вверх. Только вот склон в этом месте оказался ну очень уж крутым, и Сашка, оступившись, съехал вниз в считанные секунды — прямиком в черноту. Он провалился в неё с головой, и, что любопытно, поверхность снега осталась такой же ровной, как и была до попадания в него. Я не успел осознать, что случилось, как наружу показались руки и голова Сашки. Он что-то истошно орал, пытаясь за что-нибудь ухватиться; лицо его сильно покраснело, будто бы он пробыл под снегом не менее часа, а глаза лезли из орбит. Саше было холодно и больно. Я попытался ухватить его за руку и вытащить, но я был слабый, Саша — тяжёлый, а подходить к черноте не было желания. И тут Сашку что-то потянуло вниз. Он ещё старался сопротивляться, но чёрная масса начала облеплять его тело, руки, лицо; несколько секунд он торчал над поверхностью снега, похожий на уродливую скульптуру из сажи, а потом его резко дёрнуло, и всё кончилось. Остались только я, метель и эта чёрная дрянь, притворявшаяся снегом. Потом я орал, звал на помощь, пока голос не сел и горло не заболело, но никто так и не пришёл. Я потерял счёт времени, рыдая то ли по исчезнувшему Сашке, то ли по себе, которого тоже скоро может съесть это (существо? вряд ли), и рыдал, пока слёзы не кончились и меня не начало рвать. Чёрный снег с радостью поглотил содержимое моего желудка, но не торопился заняться мной самим; я же пытался засыпать его обычным снегом, коего было в достатке, чтобы можно

было перебраться к склону, но чернота с лёгкостью расправлялась с белизной. Не знаю, сколько часов я там пробыл — наверное, не менее четырёх. В конце концов, я почувствовал жуткую усталость. Я забрался на возвышенность, надеясь, что до неё чернота не доберётся, и через несколько минут заснул.

Когда меня разбудили, метель уже кончилась и небо потемнело. Было уже семь часов вечера, когда папа, брат и дядя Гена обнаружили меня, продрогшего, спящим на дне оврага; ясен арафат, чёрный снег к этому моменту исчез, так до меня и не добравшись. Приведя меня домой и отпоив чаем, взрослые расспросили меня по поводу случившегося и, конечно же, поинтересовались, где Сашка. Я не стал врать, рассказал всё как было. Никто из мужчин мне не поверил — они, я полагаю, более склонны были бы поверить в то, что на нас напал «маньяк», который утащил Сашку к себе, дабы насиловать его до окончания веков, а меня оставил замерзать. А вот мама Саши, как я заметил, переменялась в лице уже после первого упоминания мной чёрных пятен на снегу. Когда я закончил рассказ, она ушла к себе в комнату и долго плакала; потом, успокоившись, сказала мне, чтобы в овраг я больше не ходил, и что вообще изначально не надо было разрешать нам там кататься. Сашку, конечно, искали всей деревней; как я потом узнал от папы, искали и весной, когда снег сошёл, но тела так и не нашли. Что там тела — даже одежды. Я этому не удивился, так как своими глазами видел, что моего товарища сожрал чёрный снег, и понимал, что с Малышом и деревенским пьяницей случилось то же самое. Мы уехали домой через два дня и больше в эту деревню не возвращались.

Я долгое время не вспоминал о случившемся. Через три года всё наше семейство переехало жить в Москву, а я поступил в новую школу, где проблем с социализацией уже не возникало. Я даже нашёл себе новых друзей и совсем забыл о Сашке, погибшем в снегу. Только вот на днях, возвращаясь домой из института, я углядел недалеко от обочины дороги неестественно чёрную кляксу, блестящую на солнце и совсем неуместно выглядящую на фоне снежной целины. Быть может, в тот день, прикоснувшись к черноте, я как-то отметил самого себя и добровольно сделался пунктом в меню НЁХ? Не знаю. Но сегодня утром я увидел чёрное пятно у себя под окнами. Слава богу, что мы живём на пятом этаже.

Похоже, пора снова переезжать. И чем дальше, тем лучше.

Читать ещё

- [Благородные доны](#)